

**БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В РОМАНЕ М. ТУРНЬЕ
«ЭЛЕАЗАР, ИЛИ ИСТОЧНИК И КУСТ»:
СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Характерная особенность манеры современного французского писателя М. Турнье состоит в переложении мифического материала древности, а также библейских историй в целях создания оригинального авторского текста. В произведении «Элеазар, или Источник и Куст» «двигателем» сюжета являются события, описанные в Пятикнижии Моисея, которые «преломляются» в соответствии с творческим замыслом к судьбе главных героев, пастора Элеазара из Ирландии и его семьи.

На уровне стилистических и композиционных приемов Священного Писания и исследуемого романа выявляется тождественность в отсутствии эмоционально-субъективных средств выражения поэтики (почти нет авторских комментариев, а также литературного портрета, пейзажные зарисовки условны, присутствует объективная лаконичность в изложении фактов, наблюдается «отсеивание» второстепенных деталей, не относящихся к стержневой линии повествования).

Два текста, вступая между собой в интертекстуальные отношения, создают уникальное временное пространство общего мегатекста. Миф, творимый М. Турнье, это, если можно так выразиться, миф-интертекст, представляющий связь двух книг.

Библейский компонент присутствует в основном на трех уровнях: лексическом, символическом (в качестве средств художественной выразительности — сравнений и метафорической образности) и синтаксическом (параллелизм конструкций). Синтаксический параллелизм, реминесценции, явные и скрытые цитаты, аллюзий, содержащиеся в том числе и в именах собственных — вот специфические маркеры, которые отсылают к древним библейским сюжетам. Подчас такое «сцепление» двух разнородных текстуальных источников может приводить к так называемым языковым играм, свойственным постмодернистской традиции, хотя произведения автора сложно приписать непосредственно к ней.

В полотно романа писатель вводит лексические единицы, имеющие происхождение из книг Ветхого и Нового Заветов. В произведении М. Турнье встречаются многочисленные библейские слова и выражения: «*les travaux et les jours*» [2; p. 14] («труды и дни»), «*Enfer*» («ад», хотя чаще всего в Библии для обозначения этого понятия употребляется словосочетание «*sejour des morts*»), «*monde des premieres origines*» («начало всех начал»), «*prophète*» («пророк»), «*terrienne*» («мирской, земной»), «*La Terre Promise*» («Земля Обетованная»), «*sacrifice*» («жертва») и т. д.

Описывая путешествие главного героя и его семьи на пароходе, Турнье отмечает: «*Ainsi les morts de l'océan qu'il voyait partir à chaque aube lui donnèrent-ils une profonde élucidation des ténèbres*» [2; p. 60-61] («Вот и мертвецы, ежедневно, на его глазах, уходившие в морскую пучину, многое поведали Элеазару о вечном мраке») [4; с. 55]. Одно из коннотаций слова «*ténèbres*» в Библии — ад, преисподняя (например, «...*tandis que les héritiers*

du Royaume seront jetés dans les ténèbres du dehors: là seront les pleurs et les grincements de dents» [Matthieu 8: 12] («А сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов») [Мф. 8: 12]. Таким образом, повествуя об умерших во время плавания, писатель вводит библейский лексико-семантический пласт, в контексте которого может проявиться авторская идея о связи человеческих существ с потусторонним миром в свете идейно-философского ядра романа, согласно которому концепция жизни и смерти предстает в виде перетекания одной стихии в другую, подобно потоку воды.

Немаловажно отметить, что основная идея романа — противостояние священного и мирского (сакрального и профанного) была впервые заявлена не самим главным героем, но его женой Эстер, и сконцентрирована в следующих словах: «...les simples vivants doivent obligatoirement choisir entre bras et ailes. L'oiseau, parce qu'il a des ailes, n'a pas de bras. L'homme a des bras, mais point d'ailes. Ce n'est pas une mince alternative. Elle signifie qu'il faut choisir entre agir et planer, se compromettre dans la vie quotidienne ou survoler les choses et les etres» [2; p. 32] («У птицы есть крылья, но нет рук. У человека есть руки, но он лишен крыльев. И это не такая уж простая альтернатива. Она означает, что нужно выбирать между действием и полетом, погрузиться в обычную повседневную жизнь или порхать над вещами и существами») [4; с. 27].

М. Турнье употребляет тот же глагол, что и в книге Бытие, — «planer» («парить»), когда говорит устами Эстер о необходимости подняться над обыденной действительностью. Это слово уже содержит тот необходимый для восприятия идейного замысла романа смысл, который вкладывается в понятие «сакральное», т. е. «возвышенное», «оторванное от плотского, телесного начала», в противовес «профанному», «земному». Это наглядно демонстрирует мысль, что порой одна-единственная лексическая единица может служить своеобразным мостиком не только между стилистическим подобием исследуемых текстов, но и между их тождественностью в сфере проблематики осмысленных в философском ключе тем.

На уровне средства художественной выразительности библейские аллюзии чаще всего представлены в качестве сравнений. Они могут целиком состоять из реминисценций из Ветхого Завета, например: «...des paroles de la jeune fille s'accompagnait d'un sourire qui ressemblait à la colombe chargée d'un rameau d'olivier annonçant à Noé la fin de ses épreuves» [2; p. 28] («...каждое слово девушки сопровождалось такой прелестной улыбкой, что Элеазару невольно вспомнилась голубка с масличной веткой в клюве, возвестившая Ною конец его тяжких испытаний») [4; с. 22–23].

Параллельные синтаксические конструкции, имеющие происхождение из сакрального текста, как правило, и образуют наиболее значимые интертекстуальные связи между древней традицией Священного Писания и авторским повествованием.

Так, например, роман открывается размышлениями маленького Элеазара, в вечернее время глядящего на Океан, причем по отношению и к звону колокола (звуковая ассоциация), и к туману (визуальная ассоциация) у М. Турнье употреблено одно и то же слово: «argentine» или «argenteé»

(«посеребрённый»). Фраза: «L'enfant et le vieillard flottent sans attaches à la surface de l'existence, et la quittent sans souffrance» [4; p. 11] («Дети же и старики плывут по волнам житейского моря без якоря и покидают его без страданий») [39; с. 6] создает аллюзию на второй стих первой главы книги Бытия, когда еще была «тьма над бездною и Дух Божий носился над водою». [Бытие 1: 2]. Тождественность синтаксических единиц четко обнаруживается, если обратиться к данному отрывку Священного Писания, написанному на французском языке: «Et la tenebre a la surface de l'abime; le souffle de Dieu planait a la surface des eaux» [La Genese 1: 2]. При этом начало действия повествования относится по своим хронологическим рамкам к ночному времени суток, что вызывает у автора ассоциацию со мглой, пропастью, бездной (во французском тексте так и употреблено слово «abime» («бездна»). Это уподобляет ночь над Ирландией девятнадцатого столетия с первоначальной тьмой еще не существовавших веков в Библии.

Тот факт, что М. Турнье употребляет глагол «flotter» («плыть, погружаться»), скорее, указывает на трагическое восприятие жизни как водной стихии и на более глобально выраженную мысль о неотвратимости соприкосновения с земной суетой.

Чаще всего река у М. Турнье (как любой источник, вплоть до моря) является символом человеческой жизни. Это вполне может соотноситься с Библией, в качестве примера приведем два места Писания, комментирующие друг друга. В книге Иова говорится: «Уходят воды из озера, и река иссякает и высыхает: так человек ляжет и не встанет; до скончания неба он не пробудится, и не воспрянет от сна своего» [Иов 14: 11–12] «L'eau aura quitté la mer, la fleuve tari aura séché, les gisants ne se relèveront pas. Jusqu'a ce qu'il n'y ait plus de cieux, ils ne s'éveilleront pas et ne surgiront pas de leur sommeil» [Job 14: 11–12]. А в книге Екклесиаста человеческая жизнь напрямую сравнивается с водным потоком, рекой, которая течет в море (таким образом, соединяясь с другими человеческими существами в единой Истории). Также дается указание на замкнутость, цикличность жизни человека, имеющего вечную природу в себе и надежду от Бога продолжать свое существование после смерти, что символически выражается в словах: «Tous les torrents vont vers la mer, et la mer n'est pas remplie; vers le lieu où vont les torrents, là-bas, ils s'en vont de nouveau» [Qohéleth 1: 7] («Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь») [Екклесиаст 1: 7].

В описании сцены, когда Элеазар-пастух находит потерянную из стада овцу, автор употребляет слова и выражения, сходные с теми, которые воспроизводятся в некоторых местах Священного Писания, в частности, Нового Завета, на подобную тематику. Писатель, повествуя о возвращении животного в стадо, употребляет синтаксическую конструкцию, имеющую аналогию с выражением в притче о потерянной овце (евангелие от Луки). В Священном Писании говорится: «Et quand il l'a retrouvée il la charge tout joyeux sur ses épaules» [Luc 15: 5] «А нашед возьмет ее на плечи свои с радостью» [Луки 15: 5]. Турнье пишет: «Il la chargea cependant sur ses épaules et regagna la pâture au prix d'efforts épuisants» [2; p. 16] «Однако

Элеазар взвалил барана на спину и, выбиваясь из сил, все-таки донес его до фермы» [4; с. 10–11].

В романе, изданном на русском языке, при переводе И. Волевич данное подобие не совсем выявлено. Поэтому, на наш взгляд, специфика деятельности переводчика при переложении французского текста «Элеазар, или Источник и Куст» на русский язык состоит не только в обнаружении библейского пласта действительности в произведении, но и в нахождении адекватных стилистически-языковых форм, благодаря которым при прочтении становится очевидной тождественность двух текстуальных источников и в лингвистическом аспекте также.

Истолкование М. Турнье исторических книг Ветхого Завета в ключе оппозиции сакрального и профанного — вот, как мы полагаем, основная установка переводчика при сопоставлении библейского и французского текстов. Данная оппозиция в сознании человека могла возникнуть только во времена Христа и особенно в более поздних веках, но она вряд ли являлась актуальной для Израильского народа эпохи Моисея. Турнье спроецировал категории мышления современного человека на материал глубокой древности. В этом и заключается основная идея трансформации библейского источника, произведенной писателем в его романе.

Библейские аллюзии в произведении представлены на уровне лексико-семантических единиц, средств художественной выразительности и синтаксических параллельных конструкций. Их «бытийствование» в границах авторского мифа позволяет связать текст Священного Писания и плод вымысла современного художника в интертекстуальном дискурсе, относящемся не только к поэтике повествования, но и выводящему проблемно-тематическое ядро французского романа в измерение философское (оппозиция сакрального и профанного, жизни и смерти), т. е. к архетипическим константам и моделям бытия, представленным в Библии.

ЛИТЕРАТУРА

1. La Bible (traduits sur les textes originaux hebreu et grec). — Alliance biblique universelle — le serf, 1992.
2. Tournier, M. Eleazar ou la Source et le Buisson. — France : Gallimard, 2001.
3. Библия (в Синодальном переводе, с комм. Ч. И. Скоуфилда). — Изд-во Миссионерского Славянского общества, 1988.
4. Турнье, М. Элеазар или Источник и Куст. — М., 1998.